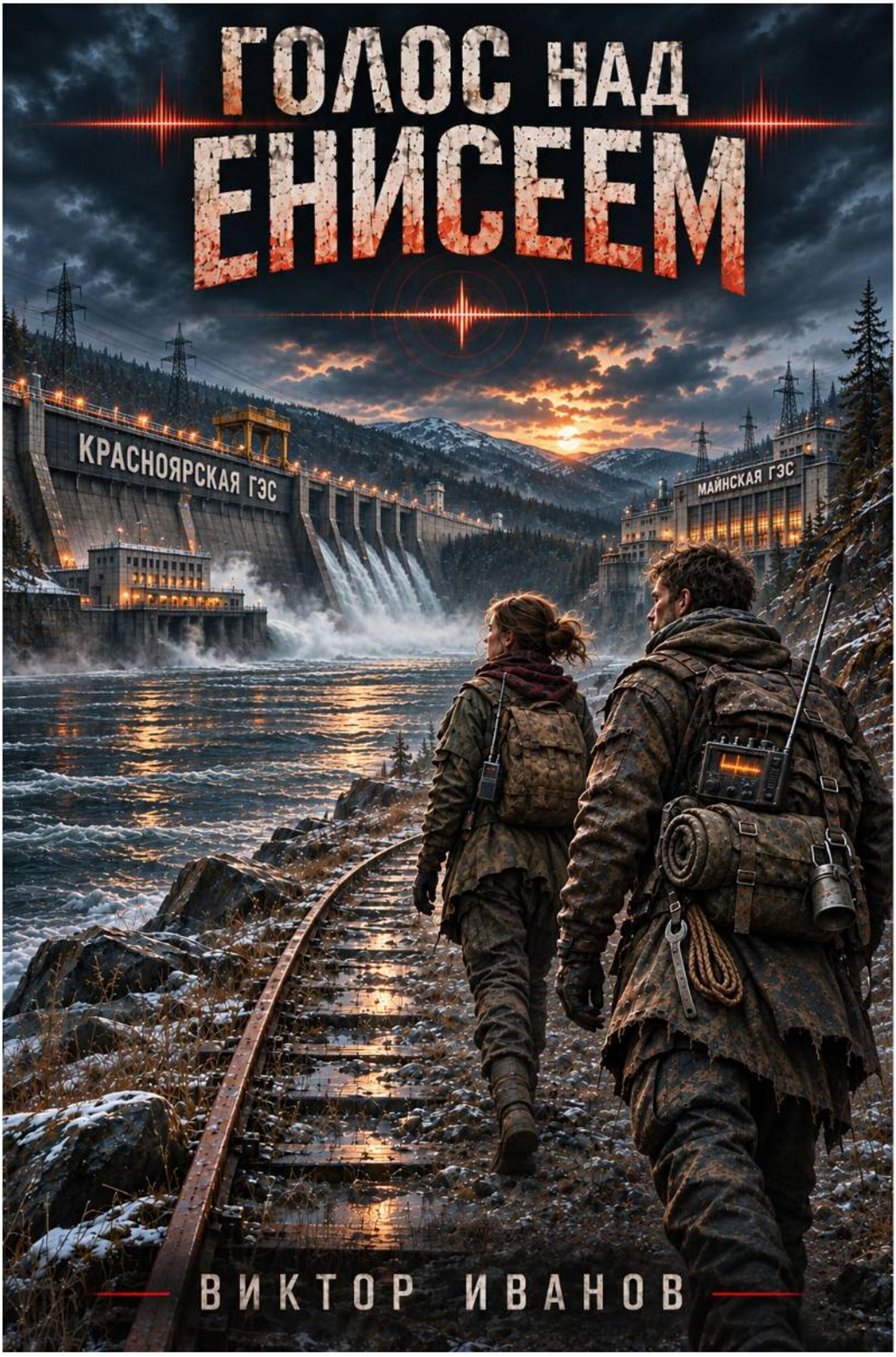

ГОЛОС НАД ЕНИСЕЕМ
КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС
МАЙНСКАЯ ГЭС
ВИКТОР ИВАНОВ

Виктор Иванов

Голос над Енисеем

«Автор»
2026

Иванов В.

Голос над Енисеем / В. Иванов — «Автор», 2026

Первые часы катастрофы: связь пропадает, город замирает в пробках, а сирены сливаются с гулом турбин. Сергей и его брат Андрей оказываются на Майнской ГЭС — последнем оплоте порядка среди нарастающего хаоса. Здесь нет героев — только обычные люди, которые пытаются выжить и сдержать данное слово. «Голос над Енисеем» — это история не о спасении мира, а о том, как в эпицентре бури остаться человеком и защитить того, кто тебе дороже всего.

© Иванов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Виктор Иванов
Голос над Енисеем

Пролог

Саяногорск. 6 июля 2013 года

Вентилятор разбирали уже второй час. Андрей уверял, что без него жить невозможно, хотя ещё вчера вполне обходился открытым окном и мокрым полотенцем на шее. Теперь он сидел на полу, разложив перед собой винтики, и следил за старшим братом с таким вниманием, словно от ремонта зависело наступление зимы.

— Ты эту штуку обратно поставишь? — спросил он.

— Если выясню, откуда она выпала.

— Она не выпала. Я её нашёл.

— Где?

— Там.

Андрей показал на дальний угол комнаты. Сергей отложил отвёртку.

— Значит, к вентилятору она вообще отношения не имеет.

— А вдруг имеет?

— Тогда ему придётся пожить без неё.

Мальчишка подумал и осторожно придвинул находку к кучке винтов, на всякий случай поближе к работе.

День начался жарким, как большинство июльских дней в Саяногорске. Сквозь открытое окно тянуло пылью нагретого двора, и даже занавеска почти не шевелилась. На подоконнике стояла пустая бутылка из-под лимонада. Рядом лежал диплом Сергея в тёмной обложке. После возвращения из Красноярска прошло две недели, но он так и не убрал его в шкаф. На холодильнике под магнитом висел телефон одного предприятия, где ему обещали подумать насчёт работы. Отец называл это «первой ступенькой», Сергей — «поживём увидим».

Из кухни доносился телевизор. Говорили о каких-то международных переговорах, о приведённых в готовность войсках, о заявлениях, которыми вчера ещё никто из домашних не интересовался. Новости шли вперемежку с рекламой. Обыкновенное летнее утро, испорченное тревожным тоном ведущего.

— У вас там опять всё по частям? — заглянул отец.

На нём была домашняя футболка с выцветшей надписью. Субботу он рассчитывал провести без завода и уже успел пообещать Андрею поездку к реке.

— Разбираемся, — сказал Сергей.

— Ты диплом получил, теперь хоть молоток в руки не давай.

— Молоток не нужен. Тут подшипник шумел.

Отец покрутил пальцем лопасть, кивнул и уже собрался уходить, когда на кухне зазвонил его мобильный. Он вернулся через несколько секунд, слушая собеседника.

— Сегодня?.. Я понял. Хорошо. Сейчас буду.

Отец убрал телефон, посмотрел на часы и хмыкнул — не весело и не сердито, скорее с досадой на нарушенные планы.

— С завода вызывают. Смена собирается.

— А что случилось? — спросил Сергей.

— Не сказали. Велели приехать и всё. На месте разберусь.

Мать появилась в дверях с кухонным полотенцем в руках.

— Опять? В выходной? — спросила мать.

— Сам удивился, — ответил отец. — Наверное, что-то по работе.

Она не стала спорить. Отец работал на алюминиевом заводе столько, сколько Сергей себя помнил, и слова «надо выйти» в их доме давно означали, что отговорить его невозможно.

Он быстро собрал сумку, выпил остывший чай и, уже обуваясь в прихожей, позвал младшего сына.

— Андрей, с рекой сегодня не получится. Перенесём.

— А завтра?

— Посмотрим, какой завтра будет день.

— Ты вчера тоже говорил «посмотрим».

Отец усмехнулся, потрепал его по волосам и вышел. От входной двери потянуло прохладой лестничной клетки. Потом послышался скрип лифта.

Сергей вернулся к вентилятору. Ему хотелось довести дело до конца хотя бы из упрямства. Андрей уселся рядом, но теперь то и дело поглядывал на дверь.

Минут через двадцать мобильный зазвонил у матери. Она долго слушала, переспрашивала, а потом сказала усталым голосом:

— Хорошо, сейчас подойду. Только объясните, что от нас требуется.

Повесив трубку, она постояла возле кухонного стола.

— И меня вызывают. В школу.

— В субботу? В июле? — Сергей выглянул в коридор.

— Да, сама удивилась. Сказали зайти на час, какие-то организационные вопросы. Приеду — узнаю.

— Так ты скоро вернёшься?

— Надеюсь. Если задержусь, пообедаете без меня.

Перед уходом мать ещё раз посмотрела на телевизор. Внизу ползла строка с названием зарубежного города, который Сергей не успел прочитать. Потом пошла реклама стирального порошка.

— Вы тут без меня только не поубивайте друг друга, — сказала мать. — Обед в холодильнике. Андрей, на балкон не лазить. Сергей, ты за старшего.

— Мне двадцать три, мам.

— Поэтому и напоминаю.

Она поцеловала Андрея в макушку, Сергея — в щёку, хотя он отвернулся, как делал с подросткового возраста, и остановилась у двери, проверяя сумку.

— Если что-нибудь понадобится, звоните. И никуда пока не уходите, ладно?

— Ладно, — ответил Сергей.

Когда дверь закрылась, Андрей некоторое время слушал тишину в прихожей.

— Можно теперь я буду главный?

— Ты главный по винтикам.

— Это не считается.

— Другой должности нет.

Они вернулись в комнату.

* * *

К полудню вентилятор был почти собран. Пластмассовую решётку пришлось закрепить с третьей попытки: один из винтов не хотел попадать в резьбу, а Андрей каждый раз утверждал, что знает, как надо. Сергей устал с ним спорить и в конце концов разрешил придерживать корпус.

Из телевизора доносились всё те же новости. Ведущие сменяли друг друга, иногда повторяли одни и те же фразы. Никаких объяснений, только тревожные сообщения, осторожные формулировки и призывы сохранять спокойствие. Сергей несколько раз ловил себя на том, что

прислушивается, но тут же возвращался к ремонту: с телевизором всё равно ничего сделать было нельзя, а вентилятор хотя бы поддавался отвёртке.

Он хотел отправить сообщение в Красноярск. Ещё утром собирался позвонить девушке, с которой они накануне поспорили. Теперь телефон долго показывал значок отправки, потом сообщил об ошибке. Сергей попробовал снова и отложил аппарат на подоконник.

— Сеть тормозит, — сказал он скорее себе, чем брату.

— А у папы работает.

— Работала с утра.

Андрей повернул выключатель собранного вентилятора. Лопасти лениво дрогнули и замерли.

— Опять не работает?

— Дай посмотрю.

В это время во дворе кто-то закричал. Не от боли — скорее звал другого человека. Сергей подошёл к окну. Между припаркованными машинами метался мужчина в шортах, прижимая телефон к уху. Наверху, этажом выше, соседка быстро закрывала окна. У подъезда двое спорили с водителем старенькой иномарки. Потом все одновременно начали смотреть куда-то в сторону улицы.

— Чего они? — спросил Андрей.

— Не знаю.

Сергей включил телевизор погромче. Ведущий говорил с человеком на плохой телефонной линии. Слова проваливались в треск. Упоминались какие-то удары, разрушенная связь, закрытые аэропорты. Географические названия менялись так быстро, что он перестал за ними следить.

На секунду погас свет. Сергей поставил вентилятор на пол, не успев ещё раз проверить двигатель. Телевизор мигнул и вернулся, но вместо изображения на экране появились разноцветные полосы. Затем — чёрный прямоугольник и надпись о временном прекращении вещания.

Снаружи протяжно завыла сирена.

Андрей перестал крутить в пальцах винтик.

— Это пожарные?

— Может быть.

Сирена не приближалась и не удалялась. Она тянула одну ноту так долго, что Сергей сначала перестал различать её, а затем почувствовал, как от этого звука ломит зубы. Где-то дальше завыла другая. Во дворе хлопали автомобильные двери, люди перебегали от подъезда к подъезду.

Сергей достал мобильный. Сеть исчезла совсем. Он пробовал звонить отцу, матери, на номер из Красноярска — одинаковая тишина. Интернет тоже не открывался. Только часы продолжали исправно отсчитывать минуты.

— Давай в школу сходим, — сказал Андрей. — К маме.

— Нам велели сидеть дома.

— А вдруг там что-то случилось?

Сергей хотел ответить, что ничего не случилось, но почему-то не смог. Он подошёл к кухонному окну. Город внизу был тот же: выгоревший асфальт, деревья, знакомые пятиэтажки. От этого видимое спокойствие стало хуже. Если бы на улице лежали развалины, хотя бы было понятно, чего бояться.

Вскоре свет погас снова и на этот раз не вернулся. Холодильник перестал гудеть. Квартира будто уменьшилась, стала непривычно тихой. Сергей выдернул вилку собранного вентилятора из розетки.

— Всё, ремонт откладывается, — сказал он.

— Ты же обещал.

— Я обещал починить. Не обещал электричество.

Андрей улыбнулся, но тут же спросил:

— Папа скоро?

— Не знаю, Андрюх.

И тут на кухне зазвонил домашний телефон.

Звук был настолько обычным, что несколько секунд Сергей просто смотрел в коридор. Аппарат стоял на полке возле дверного косяка — тяжёлая проводная трубка, которую давно почти никто не брал в руки. Он снял её на третьем звонке.

— Алло?

— Серёга? — Голос отца слышался глухо, будто он говорил через ладони. — Слышишь меня?

— Слышу. Что происходит? У нас свет пропал, по мобильному никому не дозвониться.

— Слушай внимательно. Андрей рядом?

— Рядом. Пап, что там на заводе?

— Потом. Сейчас надо, чтобы ты меня не перебивал.

Сергей машинально выпрямился. Отец никогда не говорил с ним таким голосом — без раздражения, без привычной уверенности, словно каждое слово требовало усилия.

— По нормальной связи пришло подтверждение. Удары были. Не здесь. Много где. Понимаешь?

— Я слышал по телевизору…

— Это не телевизор. Это всерьёз. У нас тут начальство тоже сначала не верило. Сейчас всё меняется каждую минуту.

В трубке треснуло, Сергей крепче прижал её к уху.

— Я с матерью успел связаться, — продолжал отец. — Она в школе. Они людей принимают, уйти пока не может. Мы с ней решили: ты забираешь Андрея и едешь на Майнскую ГЭС. Прямо сейчас.

— На ГЭС? Зачем?

— Там есть куда вас пристроить. Я дозвонился одному человеку, он обещал принять. Я ему обоих назвал. Вас будут ждать.

— А ты? А мама?

— Мы следом. Я отсюда выберусь, за ней заеду. Вместе приедем. Только вам надо ехать первыми.

— Подожди. Если настолько плохо, я лучше к маме заеду, заберу её…

— Сергей. — Отец произнёс имя тихо, и от этого оно прозвучало жёстче крика. — Ты сейчас отвечаешь за брата. Мать сказала то же самое. Не вздумай кататься по городу. Доставь Андрея. Это мы все решили, понял? И ты со мной согласен?

Сергей посмотрел на мальчишку, который стоял в дверях кухни, босиком, с отвёрткой в руке. Андрей пытался по выражению лица брата понять, хорошие ли новости.

— Понял, — сказал Сергей. — Хорошо. Мы поедем.

Отец шумно выдохнул.

— Документы возьми. Воду. Одежду потеплее. Не набирай ерунды, машина и так… Ладно. Когда подъедешь к станции, скажешь на проходной, что тебя ждут от меня. Я договорился.

— С кем? Как его зовут?

— Там знают. Запиши…

Слова утонули в сухом треске. Сергей ударил ладонью по боковой стенке аппарата, будто виноват был пластмассовый корпус.

— Папа? Пап, повтори!

— …маму… — донеслось издалека. — Серёжа, не…

Связь оборвалась.

Он ещё несколько секунд держал трубку у уха, затем набрал номер завода, который помнил наизусть. Короткие гудки. Попробовал снова. Теперь линия молчала совсем.

— Что папа сказал? — спросил Андрей.

Сергей положил трубку на рычаги. Она легла криво; пришлось поправить.

— Мы едем. К ГЭС.

— Все?

— Сначала мы. Папа с мамой потом.

— А почему?

Сергей не знал, сколько из услышанного можно объяснить семилетнему ребёнку так, чтобы не напугать его ещё сильнее. И не знал, сколько сам понял.

— Там сейчас безопаснее. Папа договорился.

— Он точно приедет?

— Он сказал, что приедет.

Андрей кивнул. Для него это пока было достаточным ответом.

* * *

Собираться пришлось в темноте прихожей, хотя за окнами ещё стоял яркий день. Сергей принёс два рюкзака, выложил на диван документы, аптечку, пару свитеров. Несколько раз менял местами вещи, не понимая, что важнее: фонарик, хлеб, батарейки или толстый альбом с семейными фотографиями. В итоге фотографии оставил, а потом вернулся и вытащил из альбома одну — родители с обоими сыновьями на берегу Енисея. Угол снимка загнулся, когда он сунул его в паспорт.

Андрей собирал своё имущество отдельно. У него получались машинка, мягкий волк, поломанный фонарик и два пакетика жевательного мармелада.

— Это всё не влезет, — сказал Сергей.

— Волк маленький.

— Он размером с кастрюлю.

— Значит, кастрюлю не бери.

Сергей рассмеялся неожиданно для самого себя. Андрей смотрел на него серьёзно, и от этого смех кончился ещё быстрее.

Они нашли в шкафу маленькую пластмассовую машинку с отломанным зеркалом. Сергей положил её брату в карман куртки, а волка оставил на кровати — сидеть до возвращения.

В кухне пахло остывшим супом. На столе стояла чашка матери с недопитым чаем, возле неё лежала записка: «Обед в холодильнике. Хлеб не забудьте». Сергей снял листок с клеёнки и сперва хотел выбросить, но сунул в карман вместе с ключами.

Он подошёл к домашнему телефону ещё раз. Поднял трубку, послушал. Ни гудка, ни треска. В квартире не осталось ни одной работающей связи с внешним миром.

Во дворе было шумно. Одни грузили вещи в машины, другие стояли у подъездов и ругались. На лестнице Сергей встретил соседку с третьего этажа — в халате, поверх которого была накинута куртка.

— Куда собрались? — спросила она.

— К знакомым, за город.

— А по радио говорят, лучше дома сидеть.

— У нас радио не работает.

Женщина оглянулась вниз, где кто-то торопливо тащил по ступеням тяжёлый чемодан.

— Да у нас теперь ничего не работает, — сказала она и посторонилась.

Машина стояла под тополем, покрытая липким пухом и пылью. Сергей завёл двигатель со второй попытки. Приёмник ожил, зашипел, на одной из волн мелькнул чей-то голос. Потом

раздалась музыка — неуместно бодрая, с припевом, который Сергей много раз слышал раньше и никогда не запоминал. Он выключил звук.

Андрей сидел сзади, прижав к груди рюкзак.

— Маме записку оставили? — спросил он.

Сергей вспомнил, что не оставили. Мобильная связь не работала, отец мог не дозвониться, а мать вернулась бы в пустую квартиру.

— Подожди меня минуту.

Он поднялся обратно. На клочке бумаги написал крупно: «Мы уехали на Майнскую. Папа знает. Ждём вас». Постоял, глядя на надпись. Потом добавил: «Ключи у меня. Сергей» — и положил записку под материнскую чашку, где её нельзя было не заметить.

Дверь закрыл с третьего раза, проверяя замок, будто не доверял собственным рукам.

Выезжая из двора, Сергей ещё видел окна квартиры. Занавеска в его комнате шевельнулась от сквозняка. Он вспомнил о вентиляторе — собранном, но так и не заработавшем — и вдруг рассердился на себя за эту мысль.

Город продолжал жить, только слишком быстро. На перекрёстках водители сигналили без толку. У магазина двое мужчин тащили к машине коробки с водой. Женщина с сумкой пыталась остановить проходящие автомобили. Где-то снова завыла сирена, но звук уже не был таким пронзительным: его заглушали моторы и голоса.

Сергей повернул в сторону посёлка Майна. У бензоколонки выстроилась очередь, конца которой не было видно. Топлива у него оставалось больше половины бака. Он мысленно прикинул расстояние и поехал дальше.

— А мы вернёмся сегодня? — спросил Андрей.

— Не знаю.

— Завтра?

— Не знаю, Андрюх.

Мальчик помолчал.

— Ты теперь на всё так отвечаешь.

— Потому что не хочу врать.

— Папа тоже так говорит.

Через несколько минут они упёрлись в затор. Впереди теснились легковушки, между ними пытался протиснуться микроавтобус. Мужчина в майке шёл между машинами и каждому что-то объяснял, но из-за закрытых окон Сергей слышал только отдельные слова. За обочиной стояли люди с дорожными сумками. Некоторые смотрели назад, в сторону Саяногорска, будто оттуда вот-вот должно было появиться что-то страшное.

Ничего не появлялось. Было жарко. По ветровому стеклу ползла одинокая муха. Вдалеке над дорогой висело выцветшее летнее марево.

Сергей смотрел на часы и думал, как долго отец сможет оставаться на заводе. И кто сейчас находится возле матери в школе. Может быть, она уже вышла и ждёт его звонка. Может быть, они с отцом встретились и едут другой дорогой. Он старался удержать в голове именно эту картину: отец за рулём, мать рядом, у неё на коленях та самая сумка с рабочими тетрадями, которую она схватила утром.

Затор сдвинулся, потом снова встал. Наконец дорога понемногу освободилась. Горы впереди не изменились, и Енисей, когда показался между деревьями, шёл своим обычным течением. Сергей никогда прежде не думал, что это может так раздражать: вокруг всё рушилось, а река даже не замечала.

У поворота к станции людей стало больше. Машины оставляли вдоль дороги, дальше шли пешком. За ограждением виднелись бетонные сооружения и длинное здание ГЭС. Над водой стоял влажный гул, который не исчезал даже когда двигатели вокруг замолкали. Значит, здесь ещё работало оборудование.

Сергей оставил машину там, где указал один из охранников, велел Андрею не отставать и направился к проходной. Мальчик держал его за руку крепко, непривычно крепко.

Перед воротами спорили. Охранник в рабочей форме повторял, что без разрешения прохода нет. Женщина в пыльном платье держала на руках сонного ребёнка и просила хотя бы пустить в тень. Кому-то отказывали, кому-то велели подождать. Сергей почувствовал, как холодеет у него спина. Отец ведь даже фамилию человека не успел назвать.

— Мне сказали, нас встретят, — произнёс он, когда подошла очередь. — Отец с завода звонил. Двое: я и брат.

— Фамилия?

Сергей назвался. Охранник посмотрел на лист, прикреплённый к планшету, потом на Андрея.

— Подождите здесь.

Он отошёл к двери, за которой раздавались голоса. Сергей не стал садиться на скамейку. Через минуту на крыльцо вышел немолодой мужчина в серой рабочей куртке, с ключами на ремне и лицом человека, которому за день задали слишком много вопросов. Он прошёл прямо к братьям.

— Сергей? — спросил он.

— Да.

Мужчина посмотрел на Андрея, затем на рюкзаки.

— Отец ваш звонил. Идёмте. Только быстро, сейчас с людьми разбираемся, не до разговоров.

— А родители? Они позже приедут. Их тоже…

— Будем решать, когда приедут, — сказал мужчина. — Я понимаю. Сейчас заведу вас внутрь.

Он не улыбался, но и не торопил мальчика, когда тот запутался в лямке рюкзака. Подождал, пока Сергей поправит её, и только тогда пошёл к проходной.

За спиной поднялись недовольные голоса. Сергей не обернулся. Ему было стыдно и страшно одновременно: он видел людей, которых оставляли снаружи, и понимал, что сейчас не сможет помочь никому из них. Его хватало только на Андрея.

Внутри пахло сыростью, краской, машинным маслом и чем-то металлическим. На лестницах то и дело попадались работники станции — с пачками бумаг, канистрами воды, свёрнутыми одеялами. Мужчина в серой куртке провёл братьев по коридору в одну из служебных комнат, где уже стояли раскладушки и несколько железных коек.

— Располагайтесь пока здесь, — сказал он. — Вода будет. В туалет по коридору налево, но одному младшему не ходить. Услышите объявление — слушайте, не бегите вместе со всеми. Я ещё загляну.

Сергей хотел спросить, как найти этого человека позднее и что будет, если родители доберутся ночью, но не смог подобрать слов.

— Спасибо, — только и сказал Сергей.

Мужчина кивнул и ушёл.

Андрей поставил рюкзак на свободную койку. Из соседней комнаты слышался плач ребёнка, где-то стучали по трубам. За стенами гудела станция — ровно, низко, непрерывно. Мальчик послушал и спросил:

— Это турбина?

— Наверное.

— Папа говорил, что она больше нашей комнаты.

— Он в этом разбирается лучше меня.

Андрей достал машинку с отломанным зеркалом, покатал её по краю кровати и убрал обратно.

— А мама найдёт нас здесь?

Сергей присел рядом.

— На проходной скажут. Мы никуда не денемся.

— И папа?

— И папа.

Андрей лёг, не снимая ботинок. Сергей помог ему разуться, достал из рюкзака свитер, свернул и положил под голову вместо подушки. Тот ещё какое-то время спрашивал, пустят ли их завтра к воде, будет ли ужин и когда можно посмотреть на огромные машины, но потом вопросы становились всё тише.

В коридоре кто-то сообщил, что связь с городом опять пропала. Другой голос велел не распускать слухи. Прошли люди с тяжёлыми сумками; дверь хлопнула и открылась снова. Сергей сидел на краю койки, держа в руках телефон с погасшим экраном.

Уже темнело, когда он вспомнил записку под материнской чашкой. «Мы уехали на Майнскую. Папа знает. Ждём вас». Он перечитал её мысленно, слово за словом, и поймал себя на нелепом желании вернуться в квартиру и написать вместо «ждём» — «обязательно приезжайте».

Андрей спал. За стеной по-прежнему работали машины. Сергей прислушивался к каждому шагу в коридоре, ожидая, что сейчас откроется дверь и кто-нибудь произнесёт его фамилию.

До ночи никто не произнёс.

Глава 1

На слух

Майнская ГЭС. 2036 год

Утром в машинном зале было светлее, чем в жилых помещениях. Сквозь верхние окна просачивался серый день, и подвешенные под перекрытием лампы казались почти ненужными. Мостовой кран стоял в дальнем конце зала; его неподвижный крюк едва различался на фоне стальных балок. Внизу, за ограждениями, тянулись в ряд три гидроагрегата. Сегодня работал один.

Сергей задержался у перил. В рабочем гуле слышался знакомый низкий тон. Он менялся, когда Сергей поворачивал голову, и почти исчезал возле открытой двери. Сквозняк принёс запах влажной ткани: на площадке кто-то оставил сушиться рукавицы.

Дежурный поднял глаза от журнала и показал большой палец. Сергей кивнул. Утренний обход закончился без неприятностей, и впервые за несколько дней можно было заняться накопившимися записями.

У остановленных машин было темнее. Возле одной стояли ящики с разобранными узлами, прикрытые промасленной тканью. На крышке верхнего белела надпись, сделанная рукой Чернова. Сергей узнал почерк раньше, чем прочитал слова: старик выводил цифры старательно, почти по-школьному, а буквы у него наползали одна на другую.

За двадцать три года станцию ремонтировали столько раз, что некоторые вещи уже невозможно было восстановить по довоенным чертежам. Приходилось искать тетради, расспрашивать тех, кто ещё помнил переделку, сличать записи. Однажды Сергей потратил полдня на поиски человека, заменившего крепление, и обнаружил в старом журнале собственную подпись. С тех пор записывал даже то, что казалось очевидным.

Он закрыл дверь машинного зала. Гул стал глуше; теперь слышались его шаги и вода, капавшая в подставленное под трубу ведро. В проходе горела одна лампа из трёх. На стене желтела старая краска, ниже шли свежие заплаты, кое-где не совпадавшие по цвету. Здесь всё ещё старались красить и мыть. Сергей особенно не любил, когда гости снаружи называли станцию развалинами.

К тому времени, как он добрался до мастерской, туда как раз привезли насос с верхней кухни — вместе с завтраком. Сергей подвинул миску подальше от края верстака и посмотрел на мокрый след, оставшийся за тележкой.

— Кто его снял?

— Слесари с хозяйства, — ответил Пашка. — Сказали, воет.

— А воду слить не сказали?

— Я думал, слили.

Сергей протянул ему тряпку. Пашка взял её без возражений: вода уже подбиралась к ящику с инструментами.

На кухне насос подавал воду к мойкам. Со вчерашнего вечера он работал с перебоями, а утром его пришлось отключить совсем. Теперь посуду мыли из вёдер. Сергей успел выслушать троих с кухни, причём двое нашли его ещё до смены. Третья принесла кашу и осталась у двери — посмотреть, возьмутся ли наконец за работу.

— Мы разберём, — сказал он ей. — Как будет понятно, пришлю Пашку.

— Ты его к обеду пришли. Хоть за супом. А то опять до вечера тут просидите.

Она ушла, придерживая пустую тележку на повороте.

В мастерской было прохладно. Внизу бетонной стены тянулась тёмная полоса сырости; над ней когда-то провели карандашом черту, чтобы следить, не поднимается ли выше. На черте стояли две даты, обе прошлогодние. Под верстаком лежали обрезки металла, снятые с негод-

ных механизмов детали и колесо от разбитой тележки. Пашка второй месяц собирался всё рассортировать. Сергей второй месяц не давал ему выбросить ничего без спроса.

Тетрадь с записями по станционному оборудованию уже лежала раскрытая, поперёк страницы — карандаш. Теперь пришлось убрать и её. Насос для кухни не имел отношения к гидроагрегатам, но ремонтировать его больше было некому: один слесарь дежурил на водоснабжении, другой со вчерашнего дня лежал в лазарете с распухшей кистью.

Пашка вытер пол и принялся помогать. Ему недавно исполнилось девятнадцать; он был долговяз, старателен и всякую неисправность считал мелкой, пока не разбирал её сам. За старательность Сергей прощал ему поспешные выводы.

Снятый подшипник плохо проворачивался. Под пальцами ощущались неровности, а при каждом обороте внутри что-то тихо поскребывало. Сергей положил его на чистый лист.

— Этот в утиль? — спросил Паша.

— Пока отдельно. Сначала найдём замену.

В старом каталоге стоял нужный номер, но это значило только то, что когда-то такие подшипники выпускали. На станции оставался один подходящий. Сергей видел его на прошлой неделе, когда проверял остатки на складе, и теперь надеялся, что с тех пор ничего не изменилось.

За дверью заскрипела подошва. Николай Семёнович Чернов вошёл, держа под мышкой папку, которую давно следовало заменить. Картон на сгибах протёрся, один угол был подклеен полоской ткани. Он остановился у верстака, посмотрел на насос, потом на миску.

— Что из этого сегодня чиним?

— Зависит от того, дадут ли подшипник.

Чернов отодвинул кашу ещё дальше и положил папку. В свои семьдесят два он продолжал приходить раньше многих молодых, хотя на лестницах теперь делал вид, что останавливается исключительно для проверки труб. Сергей привык не замечать этих остановок.

— Рогов забронировал, — сказал Чернов.

— Когда?

— Утром. Для тележки, которая завтра идёт с грузом в город.

Сергей вытер руки. Ему очень хотелось сказать несколько слов о людях, способных забронировать последний подшипник, не спросив механиков. При Пашке он промолчал.

— Он знает, что кухня стоит?

— Не стоит. Кухня носит вёдра. По его бумагам это не одно и то же.

Чернов склонился над верстаком, надел очки и взял снятую деталь. Сергей уже приготовился объяснять, но старик поднял ладонь.

— Сам вижу.

Некоторое время слышалось только слабое поскребывание. Из-за стен доносился рабочий гул станции. Здесь, в мастерской, он был приглушённым, привычным; Сергей замечал его лишь тогда, когда менялся тон или проступал другой звук. Последние годы он научился различать эти перемены даже во сне. Просыпался, лежал, прислушиваясь, и не мог успокоиться, пока не понимал, что именно его разбудило.

Чернов отложил подшипник.

— Иди к Рогову. Не передавайте друг другу приветы через кладовщика. Поговорите сами.

— Ты с ним говорил?

— Говорил. Теперь ты поговори. Мне к одиннадцати на осмотр.

У двери он задержался и посмотрел на Сергея.

— И поешь. Совсем остынет.

Когда он ушёл, Пашка тихо спросил:

— Он всегда такой был?

— Какой?

— Будто всё уже знает, а ты мешаешь.

Сергей усмехнулся.

— Раньше хуже. Раньше он ещё по лестницам за мной бегал.

Кашу он всё-таки съел. На дне осталось немного масла, и Сергей тщательно собрал его краем ложки.

* * *

На лестничной площадке Сергей остановился у окна. Здесь раму меняли прошлой осенью, и стекло ещё не успело помутнеть. Дождь на несколько минут стих. Над Енисеем висели низкие облака, цепляясь за лесистые склоны; под ними желтели берёзы, а на открытых участках темнел мокрый камень. Река уходила между горами и скрывалась за поворотом. Выше по течению оставались Черёмушки и Саяно-Шушенская ГЭС — отсюда их не было видно.

О верхней станции за последние годы рассказывали столько, что Сергей перестал спорить с рассказчиками. Одни уверяли, будто видели там свет, другие клялись, что внутри давно никого нет. В мастерской от этих разговоров не становилось ни теплее, ни легче работать. Но иногда, глядя на воду, он всё-таки думал о людях, которые могли оставаться выше по реке.

В сторону посёлка Майна, а дальше — Саяногорска уходила знакомая дорога. Когда-то Сергей проезжал этот путь, почти не замечая его. Теперь перед каждым выходом выясняли, вернулась ли предыдущая группа, проходима ли дорога, кого встретили у поселений. До города было недалеко по старым меркам. По нынешним — достаточно, чтобы заранее договориться, когда начинать поиски задержавшихся.

Сергей помнил станцию с берега: длинное невысокое здание, прямая линия сооружений поперёк реки, бетонные быки между пятью водосбросными пролётами. Дальше к берегам уходили насыпные плотины. По верху проходила дорога. Майнская не подавляла высотой, как Саяно-Шушенская; её размеры ощущались иначе — когда шёл вдоль окон машинного зала или пытался перекричать сбрасываемую воду.

Отсюда, с лестничной площадки, был виден только край крыши и часть водохранилища. На крыше темнели заплаты, аккуратно прижатые по краям. Вода над гидроузлом казалась почти неподвижной, но Сергей знал, какой тяжёлый непрерывный поток проходит под зданием. Внизу работала машина, в коридоре за спиной переговаривались люди. К этому сочетанию он давно привык: станция оставалась электростанцией, хотя в ней выросло целое поколение детей.

Из мастерской донёсся стук. Сергей отошёл от окна. Подшипник сам к нему не придёт.

Жилые помещения начинались за второй внутренней дверью. До войны здесь были кабинеты и комнаты для работников; за двадцать три года их разделили перегородками, проложили новые трубы, устроили общую кухню и сушильню. Самые старые перегородки уже успели обветшать. На одной всё ещё виднелась надпись «ВРЕМЕННО», наполовину закрытая полкой для обуви.

Из открытой двери пахло мокрой шерстью. Женщина штопала детский рукав, прижимая ткань к колену. Рядом мальчик учил таблицу умножения по листку, исписанному с двух сторон. На восьмижды семи он останавливался и начинал шептать с самого начала.

Сергей прошёл мимо, не подсказывая. Вчера подсказал — получил выговор от матери ученика.

У лестницы двое охранников ставили на просушку наружную одежду. Один придерживал сапог, пока другой стягивал его с ноги. На полу лежал противогаз с потемневшими ремнями. Сергей остановился, чтобы не наступить.

— С дороги? — спросил он.

— С внешнего поста. Опять всё в грязи.

Охранник наконец высвободил ногу и остался в носке, протёртом на пятке. Его товарищ поставил сапог к стене.

— Рогов у себя?

— На складе. С самого утра злой.

— Значит, проснулся.

Охранник улыбнулся, но тут же поморщился, снимая второй сапог.

За следующей дверью было холоднее. Сергей застегнул куртку и свернул к складу. На доске возле раздаточного окна висели заявки: знакомые подписи, чужие подписи, жирные пометки красным карандашом. Внизу кто-то приписал, что не вернул разводной ключ. Текст обрывался на месте, где лист оторвали; вероятно, вместе с именем виновного.

Рогов стоял у стола и пересчитывал свёртки с крепежом. Он ведал снабжением охраны, но занимался всем, что предстояло вывезти со станции или привезти обратно. Когда Сергей вошёл, Рогов прижал ладонью ряд гаек.

— Не начинай. Знаю, зачем пришёл.

— Тогда быстро договоримся.

— Тележку видел?

— Нет.

— Посмотри. Слева колесо болтается. Завтра на ней везти груз. Обратно обещали муку и соль. Ты предлагаешь её на себе тащить?

— Предлагаю не оставлять кухню без насоса.

— До завтра доживёт.

— Сходи скажи поварам. Я с утра уже объяснял, почему до него руки не доходят.

Рогов перестал считать.

Они стояли по разные стороны стола. На Рогове была такая же рабочая куртка, как на половине станции, только у пояса висела кобура. Он одёрнул мешавшую полу и сел на край табурета.

— У меня люди и так идут с лишним весом, — сказал он уже тише. — Хочешь, приведу тебе одного, сам объяснишь? Людей кормить надо. Не одну охрану.

Это было правдой. За работающие линии и ремонт станция получала продукты, материалы, иногда лекарства. Не всё доходило вовремя. Не за всё удавалось договориться. А последний раз мешки пришлось переносить на руках.

— Покажи колесо, — сказал Сергей.

Тележка стояла за складом, прислонённая к стене. На раме засохла глина, к ручке была привязана полоска красной ткани. Сергей присел и покачал колесо. Рогов принёс со склада фонарь и присветил ему.

Подшипник действительно следовало менять. Но под верстаком в мастерской лежало колесо в сборе, снятое с другой, разбитой тележки. Его размеры Сергей помнил приблизительно. Он ещё раз осмотрел раму, поднялся и отряхнул колени.

— Дай нам эту до вечера. Попробуем поставить колесо целиком. Понадобится подгонка.

— А не подойдёт?

— Тогда будем решать. Новый подшипник пока не выдавайте никому.

Рогов помедлил.

— До пяти. Не до ночи.

— До пяти.

Сергей уже уходил, когда тот окликнул:

— Мне тоже не хочется, чтобы они там с вёдрами мучились.

Сергей кивнул. Спорить стало не с кем.

* * *

К четырём тележка стояла на двух исправных колёсах. Левое было немного шире правого, но под нагрузкой шло ровно. Пашка прокатил её по коридору и вернулся, нарочно гремя на стыках плит.

Рогов принял работу без похвалы, расписался и оставил на верстаке подшипник в промасленной бумаге. Бумагу Сергей сложил отдельно: пригодится завернуть мелкие детали.

С насосом закончили к пяти. За ним пришли двое с кухни с той же тележкой и ведром. Когда тележка скрылась за дверью, Сергей ощутил голод и неприятную тяжесть в пояснице. Он выпрямился, упёршись ладонями в край верстака, и постоял так, пока не отпустило. В сорок шесть лет после работы всё чаще приходилось сначала разогнуться, а уже потом идти.

Он умылся над раковиной, вытер шею полотенцем и сменил куртку. В кармане лежала заявка из радиоузла, сложенная вчетверо. Милана принесла её три дня назад вместе с походным зарядным устройством. Электрическая часть была исправна, зато ручной привод заедал: после одного неудачного падения рукоятка вращалась рывками.

Устройство починили ещё накануне. Сергей собирался отнести его с утра, но насос отодвинул всё остальное.

— На сегодня хватит, — сказал он Пашке. — Убирай. Только сверло вытащи из патрона, не оставляй.

— А Чернова ждать?

— Он где?

— Сказал, на полчаса зашёл в старую мастерскую. Чертежи ищет.

Сергей посмотрел на часы.

— Когда сказал?

— После обеда.

— Значит, ещё не скоро выйдет. Закрывай здесь и иди ужинать.

Он завернул зарядное устройство в ткань, взял под мышку и вышел.

Возле столовой пахло тушёной капустой. Кто-то позвал Сергея к столу, но он показал на свёрток. Сначала отнесёт, потом поест. Он знал за собой эту привычку и не считал её хорошей; просто не любил возвращаться через полстанции из-за одной недоделанной мелочи.

В проходе пришлось уступить дорогу носилкам. На них лежала женщина, укрытая одеялом до подбородка; рядом шла девочка с её обувью в руках. Женщина заметила, как Сергей прижался к стене, и сказала:

— Не расступайтесь вы так. Нога у меня, не зараза.

Один из санитаров коротко засмеялся. Девочка прижала обувь покрепче и посмотрела на мать с упрёком, будто та опять сказала что-то неподходящее.

Дальше по коридору уже спорили о вечерней выдаче воды. В низкой нише сушились детские варежки. Из учебной комнаты донеслось хором: «Сначала условие». Учительница повторила громче, и голоса стихли.

Сергей вспомнил, что обещал ей починить дверную ручку, и ускорил шаг. До радиоузла он добрался без новых поручений.

Комната находилась в той части здания, где ещё сохранилось дневное освещение. Нижнюю половину окна закрывал металлический щит, верхнюю — двойное стекло с мутной полосой по краю. В сумерках там виднелся кусок противоположного склона. По стеклу ползла вода. За день дождь то прекращался, то принимался снова; в мастерской об этом можно было узнать только по одежде пришедших снаружи.

Милана сидела к двери боком, прижимая наушник к уху. На столе перед ней лежал открытый журнал. Она подняла глаза, увидела свёрток и указала на свободный край стола.

— Повтори количество, — сказала она в микрофон. — Последнее не разобрала.

Из маленького динамика ответили несколько слов. Сергей различил «шесть» и «к утру».

— Приняла. Передам хозяйству.

Милана сделала запись и сняла наушники. На щеке остался красный след от тугой дужки. Она потёрла его, заправила за ухо выбившуюся прядь и потянулась к свёртку.

— Я уже думала, его у вас на запчасти разобрали.

— Было такое предложение.

— От кого?

— От меня. Не прошло.

Она развернула ткань, осмотрела ручку и осторожно повернула.

— Можно нормально?

— Теперь можно.

Милана закрепила устройство на краю стола и достала прибор с проводами. Сергей отступил, давая ей место. Проверка занимала несколько минут. Он смотрел, как она придерживает корпус и следит за показаниями, и уже знал, что просто оставить свёрток и уйти не получится: Милана принимала вещи только после проверки. В прошлом месяце он принёс ей отремонтированную дверную защёлку и тоже получил требование продемонстрировать работу.

Он не мог припомнить, когда именно они начали здороваться по имени. Сначала она была для него женщиной из Черёмушек, работавшей на связи. Потом — Миланой, которая не теряла заявки, но напоминала о них в самый неудобный момент. Они много раз встречались в коридорах, стояли в одной очереди за хлебом, обменивались короткими фразами. Сергей знал, что ей тридцать пять, что она терпеть не может сладкую кашу и умеет доставать карандаши даже тогда, когда их нигде нет. Обо всём остальном он почти не задумывался.

Милана остановила рукоятку, проверила что-то ещё и убрала провода.

— Хорошо. Спасибо.

— Распишись, пока не передумала.

Она протянула руку за заявкой.

На втором столе шипела большая коротковолновая радиостанция. Антенный кабель уходил от неё к стене и дальше наверх, к наружной антенне. Аппарат занимал половину стола; краска вокруг ручек стёрлась до металла. Над шкалой была закреплена маленькая лампа.

Милана заметила его взгляд.

— Мешает?

— Нет. Давно её не слышал.

— Ты обычно приходишь, когда я на местной связи.

Она положила подписанную заявку рядом со свёртком. Из динамика вынырнул свист, поднялся тоньше и оборвался. Милана повернула ручку настройки. На полях журнала у неё были пометки, возле некоторых стояли даты.

Сергей забрал заявку. Уже взялся за свёрнутую ткань, оставшуюся от зарядного устройства, когда Милана слегка наклонилась к радиостанции и подняла руку, прося не шуметь.

Из динамика раздалось:

— …с Красноярском?

Сергей замер.

Слово прозвучало отчётливо, почти без помех. Он много лет не слышал, чтобы название этого города произносили так: мимоходом, в обычном вопросе, без рассказа о довоенной жизни.

— Пока нет. Я жду, — ответил другой мужчина.

Первый голос был глухим, будто говоривший отвернулся от микрофона. Второй слышался ближе. Милана взглянула на часы, сделала короткую пометку в журнале и положила пальцы на ручку настройки, но не тронула её.

Сергей смотрел на динамик.

В ответе второго было что-то знакомое. Не столько сам голос — радио делало его тоньше, обрезало низкие звуки. Короткая пауза между «нет» и «я жду». Нетерпеливый выдох. Так мог говорить кто угодно.

Он шагнул ближе.

Долгий треск закрыл следующие слова. За ним проступило:

— …до утра…

— Да погоди ты. Я ещё не закончил.

Сергей положил ладонь на край стола.

Андрей.

Он не произнёс имени. Только почувствовал, как под пальцами прогнулась облупившаяся кромка. Он ещё пытался принять услышанное за ошибку, но голос уже успел вызвать в памяти лицо: брат стоял вполоборота, сердился на собеседника и при этом сдерживался, не желая ссориться. Сергей знал это выражение. За последние годы перед исчезновением Андрея оно нередко бывало обращено к нему самому.

Первый мужчина заговорил снова. Сергей подался к микрофону, но Милана покачала головой, не отрываясь от приёмника.

Несколько слогов, шум, короткий обрывок чужого дыхания. Второй голос начал отвечать и ушёл в шипение. Милана осторожно поправила настройку. На мгновение слова вернулись, но разобрать их уже не удалось.

— Верни, — сказал Сергей.

— Частота та же. Сигнал ушёл.

— Только что было.

Она подняла ладонь, не глядя на него. Он замолчал.

Шипение выровнялось. Милана подождала, затем взяла микрофон.

— Станции, работавшие на частоте, ответьте. Вас слышали. Как принимаете?

Она отпустила кнопку. По наружному отливу забарабанил дождь.

Никто не ответил.

Милана повторила запрос, выждала ещё и повернулась к Сергею.

— Ты кого-то узнал?

Он протянул руку к микрофону.

Она посмотрела на него внимательнее и отдала.

— Говори после нажатия. Потом отпусти.

Сергей кивнул. Он знал, как это делается, но сейчас был благодарен за простые слова.

— Андрей. — Собственный голос показался ему хриплым. Он сглотнул. — Андрей, это Сергей. Ты меня слышишь?

Кнопка с негромким щелчком вернулась на место.

Он ждал. Дождь усилился. В коридоре кто-то прошёл, задел дверь, извинился через неё. Радиостанция шипела.

— Андрей, ответь.

Милана не вмешивалась. Когда Сергей в третий раз потянулся нажать кнопку, она осторожно коснулась его запястья.

— Подожди. Дай послушать.

Он положил микрофон на стол.

* * *

Через десять минут Милана попросила его сесть. Только тогда Сергей заметил, что всё ещё стоит, а под левой лопаткой тянет мышцу.

Он опустился на табурет. Ткань, в которую было завёрнуто зарядное устройство, всё ещё оставалась у него в руке. Сергей положил её на колено, разгладил ладонью и только тогда смог посмотреть на Милану.

— Это был мой брат, — сказал он.

Она медленно кивнула. На станции знали, что у Сергея пропал брат. В таком месте подобное оставалось с человеком надолго, даже если об этом не говорили.

— Я его плохо помню, — сказала Милана. — Мы почти не общались.

— Я помню.

Он услышал резкость в собственном ответе и отвёл глаза.

— Прости.

— Не за что.

Она повернулась к журналу. В начале строчки уже стояло время: восемнадцать ноль семь. Милана дописала сведения о приёме, затем, медленнее: «Разговор двух мужчин. Упоминание Красноярска. На вызов не ответили».

Сергей прочитал строчку вверх ногами.

— Про Андрея не напишешь?

Милана остановила карандаш.

— Его имя там прозвучало?

— Нет.

— Тогда пока так. Я записываю то, что сама слышала.

Он хотел возразить, но понял, что она права. Милана слышала двух мужчин. Он слышал брата. Это было не одно и то же, как бы ему ни хотелось сделать разницу несущественной.

— Красноярск ты точно слышала?

— «С Красноярском». Начало пропустила.

— Они могли говорить оттуда?

— Могли. А могли спрашивать, связались ли с городом. По одному слову не определишь.

Сергей посмотрел на мокрое окно. Ничего за ним уже нельзя было разобрать.

— А откуда они говорили, определить можно?

— По этому приёму — нет.

— Но далеко?

— Сергей, я не знаю.

Она произнесла это без желания его утешить, однако и без попытки отделаться. Он смотрел на радиостанцию, пытаясь найти в ней хоть какой-нибудь признак направления. На шкале оставалось то же деление. Стрелка едва шевелилась. Ничто не указывало, куда ушли голоса.

Он попросил повторить услышанные фразы.

Милана открыла чистый лист и записала сначала вопрос, потом два ответа. Между ними оставила промежуток для неразборчивой части. Сергей следил за карандашом.

«Пока нет. Я жду».

«Да погоди ты. Я ещё не закончил».

На бумаге это были самые обыкновенные слова. Ничего, что могло бы убедить постороннего человека.

— Ты можешь их опять найти?

— Если снова выйдут в эфир и мы их услышим. Послушаю здесь. Потом проверю рядом.

— Я посижу?

— Сиди.

Она налила ему воды в свободную кружку.

Сергей взял её обеими руками. Пить не хотелось. Он сделал несколько глотков, чтобы занять паузу, и поставил кружку, стараясь не попасть на бумаги.

Пять лет назад ему принесли извещение. Андрей не вернулся из экспедиции за припасами. В бумаге было больше слов, но Сергей запомнил именно эти. Он добивался разговоров, задавал одни и те же вопросы разным людям, пытался сложить объяснение из чужих обрывочных рассказов. Потом возвращался в мастерскую и обнаруживал, что смотрит на инструмент, не понимая, зачем взял его в руки.

Со временем это прошло. Не сразу и не окончательно. Он научился говорить об Андрее без усилия, если спрашивали по делу, и уходить от разговора, когда спрашивали из жалости. Последний раз доставал извещение зимой: искал в ящике другую бумагу, наткнулся на него и прочёл, хотя знал наизусть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.